

Островский Александр
Николаевич
(драматург)

12.02.04

Всё Москва — 2004

ВМ

12 ФЕВРАЛЯ
ЧЕТВЕРГ

ВЧЕРАШНЯЯ

МОСКВА

«Бешеные деньги» под звуки «Интернационала»

КАК В МОСКВЕ 75 ЛЕТ НАЗАД ПОЯВИЛСЯ ЕЩЕ ОДИН МОНУМЕНТ

Открытие памятника:
приветствие
от артистов
Малого театра
произносит
А. Яблочкина

Москва издавна считается театральным городом. У нас даже площадь Театральная есть! А на ней — три театра, и один из них — Малый. Малый-то он Малый, а вот значение его в развитии русской культуры не просто большое, а огромное. Его влияние на «нетеатральную жизнь» когда-то сравнивали с влиянием Московского университета. Впрочем, времена и в этом отношении меняются. А наш с вами разговор — о 1920-х, когда отмечался 100-летний юбилей главного драматурга Малого театра Александра Николаевича Островского. Ведь недаром Малый часто называют Домом Островского.

■ Юлиан ТОЛСТОВ

Юбилей этот, случившийся в марте 1923 года, был немного странным. Совнарком оказался «в курсе»: принял постановление о сооружении в Москве памятника драматургу и отпустил необходимые деньги.

Но и в некоторых советских «инстанциях», и в среде р-р-революционных литераторов к Островскому относились, мягко говоря, настороженно. Во всяком случае, если судить по публикациям в тогдашних газетах, к 1924 году автор «Доходного места» стал считаться чуть ли не врагом, а спектакль «Бешеные деньги», шедший на сцене Малого театра, был объявлен «идеологически чуждым и вредным» и — снят с репертуара!

И тут покойному классику помог нарком просвещения А. В. Луначарский, который в силу большей, чем у многих его соратников по партии, образованности лучше представлял себе, что такое Островский.

Дела с конкурсом на сооружение памятника после заступничества Анатолия Васильевича пошли веселее. Хотя только конкурсов пришлось провести четыре. И все четыре выиграл скульптор Николай Андреев, уже тогда считавшийся «классиком». Его монументы Герцену, Огареву, а главное — гениальный памятник Н. В. Гоголю давно стали неотъемлемой частью Москвы.

Торжественное открытие памятника состоялось 27 мая 1929 года, когда о недавней посмертной травле драматурга уже постарались забыть. Открытие совпало с днем, когда московские театры не работали, а потому артисты смогли прислать внушительные делегации. Вместе с ними в торжестве участвовали научные учреждения и «рабоче-крестьянская общественность столицы». Все — со своими стягами и знаменами. Присутствие власти было представительным. На сооруженную по такому случаю трибуну поднялись М. И. Калинин, Г. И. Петровский, А. С. Енукидзе, А. В. Луначарский. А церемонию открыл начальник «Главискусства» (так в те годы именовалось «Минкультуры») А. И. Свидерский. А директор театра В. К. Владимирова, точно усвоивший на двенадцатом году революции, «как» нужно говорить, провозгласил: «Если бы Островский был жив, он порадовался бы осуществлению своих пламенных идеалов!» После этого с памятника сбросили покрывало, и оркестр

бодро заиграл «Интернационал». Вот так из недавнего «врага народа» быстро соорудили «пламенного революционера»!

А потом пошли делегации. Каждая по обычаю тех лет «склоняла знамена» и возлагала цветы. Первым в этой очереди был, естественно, Малый театр, за ним сразу два Художественных театра — «просто» МХАТ и МХАТ-2, Общество драматических писателей и композиторов, Госакадемия художественных наук, а потом — актеры и даже правнучка драматурга... Самого скульптора ни на открытии, ни на состоявшемся днем раньше торжественном заседании в Большом зале Консерватории не было — он приболел. Николаю Андрееву послали приветственную телеграмму...

Всю громадную работу скульптор выполнил безвозмездно. А памятник получился очень даже неплохой. Большой, немного грузный человек сидит, задумавшись, в кресле. О чем он думает, ни тогдашние руководители страны, ни мы с вами знать не можем — у памятников своя жизнь. Вот почти 75 лет сидит в своем покойном кресле, прочно стоящем на московской земле, «бронзовый домовладелец». А мимо него по Театральной площади течет нескончаемый людской поток, кто-то останавливается, кладет цветы, а театралы по вечерам назначают свидания... На всю эту суету Островский взирал философски: «Я счастлив, моя пьеса сыграна...»

А ведь памятник мог быть и таким! Один из Андреевских вариантов